

Вкус жизни и свободы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Зиновий Коган

Зиновий Коган

**Вкус жизни и свободы.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Коган З. Л.

Вкус жизни и свободы. Сборник рассказов / З. Л. Коган —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0674-1

Зиновий Львович Коган. Родился 6 декабря 1941 года в Барнаульской области Алтайского края в еврейской религиозной семье. Хронику жизни он пытается писать с тех пор, как себя помнит. Его рассказы заполнены людьми, которых он желал обессмертить. Жизнь - веселая штука, если ты не один. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0674-1

© Коган З. Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Лешана абаа	5
Василий и Марина	11
Доверяясь судьбе	19
Вкус жизни и свободы	21
Бог мой, какая прелесть	28
Долгие провода	32
Долгожданное свидание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лешана абаа

От ледяного дождя и ливня снега деревья и люди сошли с ума, и только Москва-река тупо текла подо льдом, огибая Синагогальную горку Китай-города.

Горку еще называют Субботней – по субботам здесь собирались отказники.

– Огонька не найдется? – Лазарь Хейфец, стайер и очкарик, середняк в росте и годах, потянулся к Иосифу, тоже очкарику, изгнанному из «почтового ящика», как только он подал документы в Израиль.

Иосиф Бегун вздрогнул и протянул зажженную сигарету. Где-то эту рожу Иосиф уже видел. Определенно рожа знакомая. В автобусе, магазине, метро. Что-то часто встречался с пыжиковой шапкой...

С тех пор, как коммунальная квартира Иосифа стала клубом для каббалистов, его телефон был на прослушке. Дистанционное обучение? Но топтуны? Это что-то новое. Может, это из-за дружбы его с диссидентами с Пушкинской – они передавали для распространения «Хроника текущих событий», «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, статьи Сахарова, стихи Галича. У Иосифа под кроватью скопился филиал библиотеки на Лубянке.

А Лазарь хотел прикурить. Нервничал. Поднялся в синагогу, ввалился в кабинет раввина Фишмана.

– Готыню! Я сойду с ума!

Размахивал конвертом перед сонным Фишманом.

– Вус махт а-ид? – безобразно зевая, сверкнул стальной челюстью старик.

– Зол зей бренин!

– Шо трапылось?

– Вызов из Израйля.

– Ну.

– Вот моя фамилия, мой адрес.

– Мазлтов.

– Что-о!? Я же на службе, я член партии! Вызов действующему лейтенанту КГБ!

– Вызов на всех?

– В том-то и дело.

– И на жену?

– И на Суру, чтоб она сдохла! И на дочь, и даже на тещу, чтоб она сгорела. Во-о подлянка, это Сура... я знаю – она меня ревнует к бабам. Но не до такой же степени! Оторву голову.

– Или теща, – подсказал раввин.

– Та она слепая, глухая и на костылях. Ну, кто?

– Дочь замужем?

– Она студентка, ей-то чего не хватает? Выгоню к чертовой матери. Отца позорит!

– Я же не сказал, что она, – развел руками Фишман. – А ты кого пасешь?

– Бегуна пасу. Думаешь, он? Упеку его за Магадан. Ну, Бегун, ну, зараза! Я его уничтожу.

Ребе, что делать?

– Кто-то тебе мстит. Может, КГБ это сделало?

– Мне три года осталось до пенсии.

– Сэкономить хотят на тебе.

– Ты мне это брось, Фишман. КГБ – это святое! Понял, хрен бородатый!? Дай пистолет, застрелюсь.

– Только не в субботу, – раввин достал начатую бутылку водки, открытую баночку шпрот и ломтики черного хлеба.

В кабинет вошел подслеповатый служака.

- Ребе, пришли гости, американцы.
 - Шо? Ве-ейзмир! Меня нет.
 - Шо? – переспросил Лазарь.
 - Американцы пришли, ребе.
 - Меня здесь нет, понял?
 - Чего они хотят? – завелся лейтенант.
 - Чтобы ребе подписал обращение к Брежневу по поводу отказников. С американцами пришли наши бабы.
 - Кто? – у лейтенанта глаза загорелись.
 - Их вейс?! – засмеялся служка.
 - Меня нет, – твердо сказал ребе.
 - И меня, – кивнул Лазарь.
 - А я так завсегда есть, – с обидой в голосе сказал служка, глядя на бутылку и шпроты.
 - Ну!
 - Вы хотя бы свет погасили.
- Как только служка вышел, Лазарь закрыл кабинет.
- Давай выпьем еще по одной и погасим свет.
- Теперь они сидели в темноте.
- «А с другой стороны, можно познакомиться с миллионерами», – сказал Лазарь.
- Ты что-о, в Америку собрался?
 - Типун тебе на язык, ребе. Я просто так.
 - Так-так. Лазарь. Ты бутылку видишь? А меня?
 - Вижу.
 - Давай бутылку. Так ты меня видишь?
 - Ребе, главное, чтобы нас никто не видел.
- Лазарь подошел к окну, откуда вся Горка как на ладони.
- Ребе, а кто это под дубом агитирует толпу?
 - Они мне все на одно лицо.
 - Так не сотрудничают. Вот переизберем тебя.
 - Это только после моей смерти.

Тем временем у дуба выступал долговязый Володя Альбрехт, математик и местный правозащитник, автор инструкции «Как себя вести на допросе»

Альбрехт зачитывал заявление Иосифа Бегуна:

– «Прошу взять с меня налоги за преподавание иврит», а вот ответ Иосифу: «Черемушкинский райфинотдел сообщает, что преподавание языка «иврит» в программе Министерства высшего, среднего и специального образования СССР не предусмотрено, а поэтому райфинотдел предлагает Вам преподавание указанного языка прекратить». Это приговор. Как только у них освободится место в Бутырке, тебя загребут как тунейдца. Ау-у, люди или как там вас, господа! Это касается всех вас. Я вынужден говорить в таком бедламе. Иосиф, дорогой, бесплатно преподавать иврит – еще куда ни шло.

– Я преподаю бесплатно.

– Иосиф бесплатно преподает иврит, который для властей не существует. Иосиф прикрылся справкой, что он ассистент профессора Лернера, платит пять рублей налог и все шитокрыто. Верят ему или нет – вопрос времени. Важно: он обманывает. Но, господа. Отказник должен быть чист как слеза.

– Я только женщин обманываю.

– Не забывайте, господа: окружение не только враждебно, но и агрессивно. И в один черный день они накажут за то, что вы живете на хлебниками их врагов. Помощь из-за границы

предназначена для голодающих. Но при этом нельзя ничего делать. Иначе слово «помощь» заменится на слово «финансирование».

– А любовницу содержать можно.

– Но только одну.

– В еврейской традиции помогать друг другу, – сказал молодой раввин Эссас. – Мы работаем на нас.

– Ты прав, – кивнул Альбрехт. – Но когда вас спрашивают: «На что вы живете?», вы почему-то краснеете и молчите. Та самая работа «на нас» – это шоу. Самиздатовские журналы «Евреи в СССР», «Тарбут» в этой толпе никто не видел. Американцы в библиотеках читают. Самиздат возник у демократов и был предназначен для внутренних нужд. Они ведь не собираются уезжать. Как можно возрождать национальную культуру с чемоданами в руках?

– Демократы слинянут, но попозже.

– Я вам верю, – засмеялся Альбрехт. – Но тем не менее, все что можно делать с чемоданами в руках, так это уносить ноги. Тут все зависит от темперамента. Русским это хорошо понятно. А вот как преподавать иврит на вечной мерзлоте? Фокусы хороши в цирке.

– Володя, ты еврей?

– Я немец. Это моя слабость перед вами. Но я тоже отказник.

Между тем у железных ворот синагоги американцы раздавали талиты, тфилин, сидуры. Маленький хасид Розенштейн столкнулся с Аней Эссас.

– А-Аня-а.

– Ну не вздыхай так. Я замужняя женщина. Ты моего Илью не видел?

– А ты откуда такая загорелая?

– Из Сухуми. Там лето.

– По Илье не сказать.

– Он не загорал. Он стал датишник.

На Горку поднялись Слепак – весь в дыму – курчавая голова и кольца дыма из неизменной трубки, лысый Щаранский и долговязый Престин.

Американцы тотчас окружили их фотографироваться.

«–Мы в понедельник пойдем в Приемную Президиума Верховного Совета и передадим вот это письмо», – сказал Щаранский американцам.

«...евреи СССР, устремившиеся на Родину, мы обращаемся сегодня к руководству страны, полные недоумения и горечи...»

– Я предлагаю всем подписать Заявление, чтобы американцы его взяли с собой.

– Но сегодня суббота, – развел руки Илья Эссас. – Разве нет другого дня?

– Другого дня нет, Илья. «Не хуже меня знаешь», – сказал Слепак. – Пусть ортодоксы не подписывают. Ждите своего мессию.

– А кто в понедельник примет нас в Президиуме?

– Если нас не примут, мы устроим скандал, – заявила маленькая чернявая Ида Нудель. – И пригласим зарубежных корреспондентов.

– Престин, что скажешь?

– Можно прямо в Лефортово устроить скандал, а можно погулять по Москве перед посадкой, но ведь сыро и холодно.

– Здравствуй, жопа, Новый год! – Слепак выбил табак из трубки. – Греться будешь в Хайфе, и будет море впечатлений. А в понедельник идем скандалить, кровь из носа. С плакатом «Шеллах эт ами»! Гриша Розенштейн напишет плакат. Напишешь, Гриша?

– Уже было, Володя.

– Да, после Моисея никто лучше не придумал.

– Теплые вещи брать с собой?

– А ты что-о, голый пойдешь?

« Мы идем на посадку», – сказал Щаранский. – Так что приготовьтесь.
– Не могу привыкнуть к арестам, – вздохнул Престин.
– Это как к новой любовнице, – засмеялся Бегун. – Никогда не знаешь, чем это для тебя закончится.
– Так что, господа, шаббат шалом.

В кабинете ребе Лазарь легкомысленно жевал бутерброд.
– А как будет по-еврейски имя Андропова?
– Иуда Бен Зеев.
– Кошмар. Никому это больше не говори. Понял? А Ленина?
– Зеев Бен Элиягу.
– Брежнев?
– Арье Бен Элиягу.
– Элиягу-Элиягу. Ужас. Я тебя, Фишман, должен арестовать. Или расстрелять.
– А ты и по-русски Лазарь и по-еврейски Лазарь. И вызов у тебя уже есть, капитан.
– Лейтенант, но обещают повышение. Давай выпьем.

Понедельник. Ноябрь семьдесят шестого года. У лужи подъезда президиума Верховного Совета СССР остановилась белая «Волга» Семена Липавского.

Выпустил из машины двух коротышек: старого академика Лернера и его молодого товарища Щаранского.

Липавскому демарш в Верховный Совет казался бессмысленным.
– Я предатель, – повторял он самому себе. – Я предатель.

Он сотрудничал с КГБ четыре года ради спасения своего отца, которого пять лет назад суд Ташкента... богатого и солнечного Ташкента, где им бы жить и жить, приговорили к расстрелу. Отец Семена возглавлял строительный трест, пока его не обвинили в хищениях. Приговор отца к расстрелу – это все равно, что приговорили и Семена.

Талантливый молодой хирург был согласен на все, чтобы спасти отца... и он согласился сотрудничать с КГБ. Это было его жертвоприношение, так он думал.

А год назад отец умер в Магаданском лагере. Подлая жизнь, подлая-подлая.

Евреи-москвичи радовались Семену, его щедрости и смелости, а он был холоден как зеркало.

В приемной Президиума новоприбывших встретила толпа отказников с авоськами теплых вещей.

– А где Розенштейн с плакатом?
– Его привезет американский корреспондент Патрик.
– Будем ждать.

Тем временем у лужи столкнулись физики Азбель и Брайловский.
Они дружили со студенческой скамьи.

– Прошвырнемся? – Азбель взял под руку друга. – Очень ранний снегопад в этом году.
– Обещали ливневый снег. Я даже зонтик взял. Подарок капиталистов.
И он достал из портфеля складной зонт. Щелк – и зонт весело распахнулся над ними.
– Витя, что же мы мокли до сих пор!
– Но все мокли, Марк.
– Ты демократ, Витя. Когда евреи соглашаются жить по законам других народов, они произвольно относятся к этим законам по-своему.
– Кого ты конкретно имеешь в виду, датишников с их чадами?

В это мгновение сверкнула молния, над Манежем раздался оглушительный гром. Снег и град обрушились на зонт и тротуар.

– Артобстрел, – засмеялся Азбель. – Надо быть поосторожнее с критикой Господа.

– Он же нам послал зонтик.

– Хочешь сказать, что это всего лишь учения? Я, Витя, не имел в виду датишников. Они-то как раз остаются самими собой.

Навстречу физикам хлопал по лужам Илья Эссас.

– Уже все закончилось? – обрадовался Илья; на кончике носа дрожала капля дождя, как серьга.

– Тебя встречаем. Долго молитесь, ребе.

– Сколько положено.

– И это гарантирует успех?

– Смотря что понимать под этим, – тонкие губы Ильи уползли в красную бороду.

Корреспондент «Рейтер» Патрик привез на своем желтом «Опеле» Розенштейна с плакатом «Шелах эт ами». Гриша написал его тушью на ватмане, плакат был спрятан в полиэтиленовый чехол.

– Эй, хаверим! – позвал он троицу.

Азбель, Брайловский и Эссас уже готовы стать под плакат, но Гриша захотел, чтобы вышли из Приемной отказники. Это опасно, а вдруг не впустят обратно? Вышли лишь несколько человек. Развернули плакат. Сфотографировались и уже гурьбой ввалились в Приемную.

Лазарь, мокрая курица, докладывал из телефонной будки.

– Хасида Розенштейна проморгали, развернул плакат «Шелах эт ами».

– «Аллах»?

– Господь с тобою, «шеллах».

– Лазарь, говори по-русски и выплюнь жвачку, сука!

Капица, помощник Подгорного, повел отказников за собой в холл, где в молчании сохли другие «ходоки». И вдруг стало шумно, многогласно и тесно.

«Ну вот», – сказал Капица корреспонденту «Рейтер» Патрику. – По мне так хоть сейчас забирайте их всех в Израиль. Эти люди нам не нужны.

– Так вы их отпускаете?

– По крайней мере, из Приемной.

Слепак вручил Капице письмо.

– Для Председателя.

– Не для меня же, – усмехнулся Капица.

– Когда будет ответ?

– По закону у нас есть тридцать дней.

– Сейчас. Мы объявляем голодовку.

– Я вызову охрану. Голодать можете в тюрьме.

Отказникам выходить под ливневый снег не хотелось. Они запели:

О-о-се шалом бимромав

– Что делать, господа евреи? – спросил Слепак.

– Мы никуда не уйдем, пока не получим ответ, – упорствовала Нудель. – Такая прекрасная возможность нагадить им.

– Мать, почему ты за всех говоришь? Давай проголосуем.

«Через пять минут я вызываю охрану», – сказал Капица.

Иду Нудель поддержали Щаранский, Бегун и Розенштейн.

Через час отказники покинули Приемную.

Сквозь снежный ливень едва проглядывал Манеж.

– Тебе обидно? – приставал Азбель к Брайловскому.

– Что не арестовали?

– Что все труды наших предков за двести лет в России пошли прахом.

– Оставайся и трудись дальше.

– Зря мы ушли, – Бегун догнал их. – Надо было устроить скандал.

«Невозможно препятствовать садиться в тюрьму тем, кто этого хочет», – сказал Азбель, – но не следует создавать ситуацию, при которой попадут в тюрьму те, кто этого не желает.

Василий и Марина

В рождественский мороз Николина гора дымилась трубами – у дыма заячьего бока.

Василий бежал на лыжах вдоль пруда, засыпанного снегом, так дети танцуют вокруг маминого пирога. Небо взрывалось фейерверками, криками.

Отца его, чекиста, не уберегли врачи. Его семья неплохо жила. Василий был бессилён перед памятью отца – мертвым уже не нужно. Все так, но танцевать на лыжах вдруг расхотелось.

Притихший сад, заснеженные парапеты окон – за ними светло и жарко, сестры, тетки, племянники и гости, кого собрала хлебосольная обрусевшая Майя Давыдовна – мать Василия.

Из соседнего двора его окликнула Аня Брод.

– Ва-а-а! Пойдем на пруд кататься.

– Ань, я только оттуда.

– Ва-а-а! Я одна боюсь. Два круга.

– Два круга? – захохотал, обрадовался ей.

Ее отец, нейрохирург, был репрессирован (реабилитирован потом) вот в такой же морозный день, а над заснеженной Москвой стыли змеями фонари и лили желтый свет, как яд.

Василию и сокурснице по инязу Ане Брод легко давались языки чужие.

На пятом курсе они улетели в Дели как переводчики. А уже там однажды проснулись в ее кровати как влюбленные. Родилась Юля.

И вдруг на взлете карьерного роста Василия за шутку над горбачевскими переменами отозвали в Москву, где в загоне столпились тысячи «отказников» алии – их вдохновляла любая быль, окутанная дымкой древности иудаизма, и нескончаемые разговоры об Израиле, Западе, свободе... Работу в МИДе он потерял и перебивался уроками английского, переводами туристов, кто валил валом в горбачевскую Москву.

«Б-г шел перед ними днем в столпе облачном, указывал дорогу и ночью огнем светил им; и шли они днем и ночью».

Перемена в жизни отказников рождала современный иудаизм – он вырывался из прорыва судеб, сокращал ортодоксальные повторы, смирял гордыню и собирал людей. Бог был для них манящей гармонией, они не ставили под сомнения Его волю, но оставляли право другим идти к нему разными путями, ибо это устраняло предрассудки. Этот иудаизм объединял души, жаждавшие инакости. Она уравнивала всех.

Красная Пахра. Лес мутило воздухом и тишиной. Сентябрь осыпался. Василий и его новый клиент, реформист Лева Чернобильский, шли рядом. Они посмеивались над седобородым Слепаком – проспал выступление внезапно приехавшего главного раввина Англии об абортках. Осень втайне разрабатывала их для ареста.

На ржавом скошенном поле стога построились цепью.

Отчаянные парни развернули флаг Израиля. На поляне танцевали хору.

– Будешь трубить в шофар? – спросил Василий Льва.

– Рог короткий, но протрубить можно. Бог услышит.

– Так он самодельный?

– А в «Гинейни» и молитвенник сшит из старого: сократил, добавил перевод на русский и транслитерацию. Ну, потому что засыпает народ после работы. А коротко молиться – милое дело.

– И в «Гинейни» все еврей?

– Евреи – все. Не все об этом знают.

Они расхохотались.

– Я приду к тебе.

– Это 14-й этаж. Лифт часто не работает.

Стал Василий сталкером «Гинейни». Когда автомобили толкались на проспекте как близнецы в утробе, в пятницу вечером на кабалат шабат он приводил в «Гинейни» иностранцев – это как восхождение на Синай. В прихожей свалены пальто, сапоги; в комнате – столпотворение прихожан.

Однажды привел американских раввинов – Дик и Йоэль.

– Да вы же реформисты, – воскликнул Дик и вручил Леве тоненький молитвенник для встречи субботы Бэтти Голомб.

Они предложили Василию сопровождать их в Ленинград. Он становился профессионалом.

Налетевший балтийский бриз оживил толпу у Маринки – балет «Ромео и Джульетта»: свидание, как первая любовь.

Марина узнала по телефонному описанию Йоэля и Дика, ну и конечно, она узнала в красной рубаше Василия. Еще не бык, но далеко пойдет. В иудаизме красный бык не очищает от греха, только красная корова, но сначала ее сожгут со всеми потрохами. Поди найди ее и главное – поверь.

Америкосы-миссионеры аборигенов соблазняют к реформизму. И эта питерская студентка, такая талия – почти Италия.

Как долго и красиво умирала Джульетта в белом шелке, и Ромео торопился уйти за ней...

В июне север не прячется от солнца; день-ночь, ложь-истина, мертвый– живой неразличимы у мастера Шекспира. Север опасен сентиментальным душам и сегодня без дуэлей – танцев. Зато всю ночь открыты рестораны – шампанское с клубникой. Василий отвезет ее домой. Ну что ж, это работа профессионалов – пить, не пьянея, влюбляясь не любить.

– Василий, откуда у тебя такой английский? – спросил Йоэль.

– Мы пять лет в Нью-Йорке жили. Отец мой работал в Торгпредстве.

– Хотел бы ты у нас работать в Иерусалиме?

– Почему бы нет.

– Нужно подать документы на выезд.

– Давайте за это выпьем, – предложил Дик.

Смертельно зацелуют ангелы.

В такси Василий искал, где продают цветы для Марины.

– Я не Джульетта, – покраснела девушка.

– Я тоже не Ромео. Я женат, дочь, и куча родни, и сотни друзей. Но если мне с тобой, Марина, незаслуженно хорошо, что делать?!

Он громко, искренне смеялся, чтоб окончательно не «утонуть».

Они договорились – вечером поедут в синагогу.

Безлюдная синагога казалась вокзалом. Службу вел долговязый хасид Яков, о котором говорили, что он упрям и не дурак выпить. Дурак – не дурак, но свое дело он знал.

– Господин раввин, у вас канторский голос. В Израиле это тяжелое бабло, – перевела Марина Дика.

– А я и есть кантор. Пока, – ответил Яков и засмеялся белозубо и вызывающе. – Марина. Его черная широкополая шляпа бесцеремонно закрыла ее от гостей.

А она вдруг вспомнила слова Василия «Я тоже не Ромео. Я женат, дочь есть, и куча родни, и сотни друзей». О Боже, ну почему те, кто ей нравятся, уже женаты – когда они успевают? А ей что делать?

– Они реформистские раввины, – прошептала Марина.

– Могу поспорить, они иврит не знают, – зубоскалил хасид Яков.

– Они живут в Иерусалиме. Иврит они знают лучше тебя, – Василий захохотал, как в колокол ударил.

Она мне тоже очень нравится, как бы отвечал Василий. Яков замотал шеей, сдвинул шляпу на затылок.

В звенящей тишине Дик вспомнил Лос-Анджелес, родную ешиву, где обучалось студентов больше, чем евреев во всем Питере. Он всех всегда сдавал, с тех пор, как его предали дома. Что он здесь делает, в России?

– Йоэль, давай выйдем на свежий воздух. Эти парни запали на девчонку, но нам нужно найти лидера, – предложил Дик.

– Алекс?

– Алекс не музыкальный парень, нет харизмы. А нам нужна изюминка, чтоб забродила в бутылке пейсеховка.

– Да, но где таких возьмешь? – Йоэль закрыл лицо ладонью.

Как ему Дик осточертел, как не хотел он отправляться с ним в Россию. Ну, ладно бы до бегства молодежи из России приехали сюда вербовать реформистов, но сейчас, когда последние бегут, что им здесь делать?

Йоэль щурился ночному солнцу. Все же непривычны белые ночи.

Чем ярче окрас, тем ядовитей особь.

Шальной октябрьский ливень хлестал облезлые бока питерской синагоги; бесновались струи на куполе, словно черти в цирке, а потом дьявольски клокотали в водосточной трубе.

– Теряю былую легкость, – Яков с раскрытым зонтом поднялся по лестнице в синагогу.

«Гишмей браха (благословенные дожди)», – сказал он и бросил взгляд на собравшихся в классе учеников иврит, среди них была Марина.

Дождь остервенело барабанил подоконники. Дождь грозил наводнением, а вот сорвать платный урок – нет.

– Где ты на шабат? – неожиданно поинтересовался Яков у Марины. – Я приглашаю ко мне домой. Это приглашение моих родителей.

– Ни в коем случае, это неудобно.

Яков заметил колебания ее.

– Не стесняйся. Помочь еврейке кошерно провести шабат – большая мицва.

– Где мы встретимся?

– Я за тобой заеду в половине восьмого вечера. Поедем на вечернюю молитву, а потом к нам. Мы живем рядом с синагогой.

– У кого ты учил иврит?

– В ешиве. И по молитвеннику «Кол Исроэль».

– А где учил английский?

– Би-Би-Си.

Они рассмеялись.

– Ты ведь математик.

– Я преподавал в школе.

– Ты мог бы преподавать в религиозной школе в Израиле.

– Почему бы нет.

Рассмеялись.

– Что нужно сделать?

– Сделать хупу с хорошенькой еврейкой.

Еврейка только по отцу, Марина чувствовала отчужденность ортодоксов.

– Я полукровка. У меня русская мать.

– Я кстати, женскую группу набираю для подготовки, чтоб пройти гиюр. Для тебя – бесплатно.

Вся женская группа была влюблена в Якова, но он выделял Марину.

К гиюру ее готовил Яков.

– А вам уж замуж невтерпеж?

– А то ж!

Они хмельны от вина и страсти – так хотелось уложить друг друга в постель.

Лечь в постель ночью с другим легко, а утром проснуться с ним ужасно. Потом опять наступает ночь Якова и Марины. Кто ж знал, что она разбудит в этом хасиде любовника-маньяка, солдат ее любви, готовый на все.

Не будите, бабы, в мужике маньяка.

– Дик предлагает мне в Израиле работу, – позвонил ей Василий. – Кординатором программ реформизма в СССР.

– При Горбачеве? – съехидничала Марина.

– Работа в Иерусалиме, – он на усмешки отвечал по-детски прямолинейно. – С зарплатой 2000 баксов.

Голодуха. Предчувствие беды. Бежать.

Проект «Алия реформиста Василия Кутузова» должен был стать американским фандрейзингом.

Один за другим прилетали реформистские раввины, и Василий – переводчик на их выступлениях в общине, на встречах с известными отказниками, диссидентами, гид по Москве.

Лучший парень идет в реформисты (он говорил по-английски, другие даже промычать не могли) и его жена, и дочь англоязычные, и даже старая и толстая Майя Давыдовна смешно и трогательно говорила американскому толстяку и бородачу оператору «гуд мониторинг».

Для семьи Василия сняли квартиру в Тель-Авиве.

Василий вместе с Йозем мотались по городам Советского Союза в поисках лидеров для реформистских общин.

Зачем все это, если евреи уезжали из своих городов?

В понедельник, после Симхат Торы, раввины синагоги приняли гиюр у Марины и двух других молодых женщин. Но только в четверг бейт-дин утвердил «экзамены»; на радостях Яков купил в магазинчике при синагоге коробку израильских конфет и поехал в дачный поселок «Балтийский» к Марине. Он здесь уже был, и даже несколько раз ночевал у нее, но как же непривычно городскому парню здесь ориентироваться – сплошь высокие одинаковые зеленые заборы. Ориентир – три голубые ели. Вот и считай. Но он решил сегодня обрадовать ее.

– Яша, я вчера была у врача. Я беременна.

– О!

– Ты не рад?

Прошло минуты три, прежде чем Яков оправился от удивления.

Она была чуть выше его, держала себя с гордым осознанием своей красоты. Ее прекрасное широкое лицо улыбалось.

– И какие же новости ты мне принес из синагоги? – спросила она.

– Ну, по сравнению с твоими новостями какие мои новости, – улыбнулся он. – Гиюр твой утвердили, ты теперь еврейка и можем сделать хупу.

Вдруг Яков ощутил свинцовое молчание.

– Наверняка ты голоден, ты непременно должен пойти со мной, чтобы пообедать.

– Ты уверена?

– Не трусь, твоя будущая теща на работе, – засмеялась Марина.

Он поймал блеск в ее глазах.

– Теперь я еще больше буду беспокоиться о тебе. Сразу после хупы мы подадим документы в Израиль, чтобы ты родила уже там. Там медицина лучше.

– Никогда не беспокойся обо мне, – ответила Марина.

Он ел яблоко медленно, словно не хотел сказать лишнего. Он с детства никогда не знал, кто его друг, а кто враг.

Он выходил из калитки дачи, равнодушно глядя на темную пустынную дачную улицу. И только тогда он заметил, что карман его пиджака отвисает. Он засунул руку в карман и обнаружил там надкусанное им яблоко.

Марина родила близнецов в иерусалимской больнице «Хадаса эйн-карем». Она лежала между ними, и материнское тепло соединяло их, передавало жизненные силы. О, Господи, никогда она так счастлива не была.

В субботу, на шахарит, Яков пришел в больничную синагогу – провозгласить имена мальчиков с бимы у Торы. Ну что ж, традиция сабров – свята. В молельном зале полторы сотни прихожан – шумно как на базаре. Ох, до чего же они разные, хасиды разных дворов – одни во всем черном, другие в белом, в штраймелах, шляпах, в желтых шелковых халатах, черных лапсердаках; литваки в галстуках и жилетках, сефарды подражали ашкеназскому прикиду со шляпами, сдвинутыми на затылок: очкастые американские реформисты; бородатые поселенцы в майках и шлепанцах на босу ногу; в проходах больные в колясках. Это странное смешение молельни, больницы, роддома – храм с распахнутыми дверьми в прошлое и будущее, врата между смертью и жизнью. Здесь вызывали отцов новорожденных.

Поднялся на биму к Торе и Яков, и он громко назвал имена своих мальчиков:

– Давид бен Яков, Элиягу бен Яков!

Свершилось!

Вся жизнь Марины была в мальчиках ее – двух белокурых ангелах ее смысла жизни. В коляске-паровозике она гуляла с ними в крошечном саду, и до трех лет они были неразлучны, пока Яков не увел их в детский сад – учить иврит и Танах. Для нее Израиль – страна, где в песок зарывают мечты.

Иерусалим – крепость из белого камня, древних фантазий и традиций.

А вот Анне, жене Василия, тесниной стала крепость, где сегодняшней день был такой же бессмысленный, как вчерашний. Но тогда зачем завтра?

Аня устроиться на работу не смогла. День заговаривал ее, мертвели камни. Аня не умела коротать время – оно ее убивало. В хамсин душа ее отделялась и билась в углу, как бьется нечаянно залетевший в комнату птенец.

Здесь она была обречена.

Перед разрывом (Василий не знал об этом) они собирались поехать к Мертвому морю.

– Юля, – он обнял дочь. – Там горы Моава.

– Мы туда поедем? – это что-то от ее мечты.

Но Аня с дочерью улетели в Брюссель навсегда.

Василий страшно переживал разлуку с дочерью. Он запил, как только может запить русский человек. Переехал в общежитие колледжа – в белую камеру с двухъярусными нарами: стол, табуретки.

У входа в офис, где рыли котлован под реформистскую синагогу, где пыль и солнце пространство превратили в ад, Василий ожидал Марину. Горло пересохло, как сдохнувший колодец. И когда, наконец, сквозь марево пыли он увидел ее, это было словно чудо Господне. Василий вскинул руки – так утопающий молит о спасении.

– Марина!

Ее прекрасное бледное лицо улыбалось.

– Я знала, что ты...

Во внутреннем дворике было открыто крошечное кафе – бутылки кока-колы в холодильнике, в витрине – марципаны, осыпанные сахарной пудрой, неожиданно теплые и свежие.

Марина ела медленно, и снова он тонул во взгляде ее синих глаз. Кончилось долгое одиночество в космосе. Ему было без нее одиноко.

– Всякий раз, когда я покидал тебя...

– Василий, я замужем... у меня два мальчика, близнецы... Мы с тобой совершаем грех...

– Ты будешь редактором газеты «Родник».

Марина пожала плечами.

– Нужно как-то жить. Василий, солнце мое. Яков ходит в ешиву... нищенская стипендия... кажется, конца этому не будет.

– Я рад, что мы снова вместе. Я люблю тебя.

Василий смирился было, что потерял Марину. Его любит самая красивая женщина из всех на земле.

Он стал одаривать ее цветами и подарками, деньгами. Они начали встречаться в тель-авивском отеле. Марина входила, сбрасывала платье, как роща сбрасывает листья. Без единого слова. Для нее мокли в вазе пурпурные розы.

– ... Не покидай меня... не выходи.

И он был счастлив в ней. Такая химия. Они уже не могли быть друг без друга.

Позже, когда они начали вместе работать, оставались в общаге или прямо в офисе, на полу, он вжимался в нее и забывал обо всем. Она помогала ему в этом, она вознаграждала его за одиночество, словно хотела поцелуями заткнуть дыры прошлого. Они ощущали радость, глядя друг другу в глаза как в зеркало. И это так крепко привязывало их друг к другу.

От солнца серый камень Иерусалима раскалялся добела. Город не для пешеходов. Лучи прожигали тело и душу.

Муж Марины Яков носил под черной широкополой шляпой бархатную кипу, а под сюртуком шерстяной талит. После рождения близнецов он перебивался проститутками. А Марину словно отправил в монастырь. Он ее боялся, боялся бедности и солнца, как язычник.

Василий не был богобоязненным. Желание обладать Мариной в нем вытеснило страх. По ночам в одиночестве особенно. Он знал: без него ей невозможно пережить «нечто прекрасное», просто-напросто невозможно. Марина и Василий заигрались в счастье. На Кипр летали – день, не больше. Вокруг кто по-немецки, кто по-английски, и только им, влюбленным, говорить не нужно: они друг друга любили руками, взглядом.

Каждый раз они по-новому влюблялись. В самолете на высоте 10 000 метров над землей – бесплатная страховка от катастрофы.

Иногда он один улетал на конференции, любовь открывалась по-новому – надо крупно расстаться.

В пятницу Марина возвращалась домой пораньше: прибиралась, готовила сразу на два дня. Яков забирал из детского сада близнецов, и к полудню семья была в сборе.

– Глад кошер? – Дания жонглировал персиками.

– Шлимазл! – засмеялся Яков. – Это же дерево. Фрукты всегда глад кошер.

– Мама, а ты их мыла?

– Я их мыла и в них нет червей.

– Папа, ты слышал? А если не кошерная вода?

– Вода всегда кошерная.

– Почему?

– Потому что на нее нет брахот.

– Тогда отмените брахот, – засмеялась Марина, – и все станет кошерным.

– О-о, глупая! – захохотали близнецы.

Она чувствовала, что потеряла не только мужа, но и сыновей. Может быть, потому что разучилась жизнь воспринимать как очевидность.

Она не переносила запахи Якова. А он, как и раньше, запыхавшись, взбегал на третий этаж, целовал ее и благодарил за ужин, пил вино после благословения, а когда вино кончалось, засыпал за столом. Она уходила в спальню, спрашивала себя, как дела, а потом почему-то пла-

кала. Она хотела смириться, но как оказалось, не смогла. Невозможно смириться с отсутствием того, что требовала твоя суть, и все время отказываться от того, чего ты жаждешь.

Встреча с Василием открыла, как сильно она может любить – дыхание перехватывало. Порой она мечтала, чтобы Василий бросил ее. Но он ее не бросит, у него есть только она.

В метельном феврале девяностого года Василий сопровождал в Москву Йоэля. «Гинейни» размножилась в пятидесяти городах Союза. Василий остановился у матери.

– Совсем семью забросил, – укоряла Майя Давыдовна. – У тебя дочь растет.

– Мама, нет у меня денег.

– И времени позвонить Ане и Юле?

– Я как в аду живу. Все ждут изгнания из ада.

– Где твоя совесть, Вася?

– Мама, нет у меня денег.

– Не верю.

– Мама, ведь они меня бросили.

– А что им делать в Иерусалиме? Сидеть в квартире и ждать тебя?

– Уже и квартиры нет. Кино окончено. Теперь живу в общежитии.

– Но у тебя дочь растет. Я, между прочим, на пенсию живу. Втроем живем на мою пенсию.

– Я знаю, мама. Потерпите.

Все десять дней в заснеженной Москве он бегал на телеграф – звонил Марине. Они могли молчать по телефону, как будто рядом плывут. Вдруг представлял Марину, ее лицо, ее улыбку, ее глаза. Он более праздничной женщины не знал. А как она кружилась, босая, на палубе в просторном сарафане... Любовь сжигала пространство и время, рождала безумство. Жизнь без нее ему казалась в Иерусалиме смертельной болезнью, и только безрассудная отвага могла сравниться с обладанием ею.

В ней было столько страсти. Женщина – зеркало мужчины. Безумно любил ее.

Коктейль от депрессии: шампанское, мартини, вино, водка. Все ингредиенты смешивал в пропорции.

– А, блин, пофиг.

И добавлял оливочку.

И только дома ее охватывал страх – вдруг о них узнают.

Безработный Яков с близнецами все больше сидел дома.

Подозревать хуже, чем знать.

У реальности есть границы, у воображения – нет.

Над Яковым смеялись ешиботники. Рав Алекс сказал ему:

– Сломай ее. С такой женой я не могу тебя держать в ешиве. Она работает у реформистов.

Или сломай ее, или уходи от нас. Сломай ее или я выгоню тебя. Она должна носить парик и уйти от реформистов. Сломай ее. Читай недельную главу «Ки тэйце» из Торы.

За ужином Яков подсыпал ей в вино снотворное.

Он склонился над уснувшей, и холодный липкий пот сковал его – не перебрал ли он со снотворным?

– Марина! – крикнул он в отчаянии.

Она крепко спала. Яков открыл Пятикнижие: *«Речи. Когда выступишь... Когда выступишь на войну против врагов твоих, и отдаст их Господь, Б-г твой, в руки тебе, и ты возьмешь их в плен;*

И увидишь в плену жену, красивую видом, и возжелаешь ее, и возьмешь ее себе в жены; То приведи ее в свой дом, и пусть обреет она свою голову...».

Но Марина никогда не согласится сбрить золотые волны волос, она ему изменяет. Он теряет ее!

И привлек ее в постели и вошел в нее. Она последнее время сторонилась его. Опять забеременеет, – мелькнула у него мысль.

Утром она увидела себя в зеркало. Сзади нее стоял бледный Яков.

– Ты жена ортодокса. И ты должна уйти от реформистов. И от Василия, твоего любовника.

– Да, я люблю его.

– Не-ет! – страшно закричал Яков.

Два дня она в истерике прорыдала. Потом уволилась с работы. Догадывалась ли она, что опять беременна от Якова?

Ей стало только хуже. Марина позвонила Василию.

– Что случилось?

– Да уж случилось. Встречаемся в старом отеле на набережной.

Он вошел в номер. Открытая бутылка «Red Label».

– Я беременна. С ним я не сплю. Слышишь? О, боже, если бы мы принадлежали только друг другу! Понимаешь? И завтра, и всегда, понимаешь? – она плакала.

Последнее время она часто плакала.

– Прости меня, – он отпил из бутылки. – Если я разведусь с женой, меня уволят.

Серые глаза его невыносимы. Невыносимо яркие были красные розы на столе. Невыносимо самоубийство, но жить еще невыносимей...

Время, которое еще недавно для них не существовало, сегодня билось у нее под грудью.

Еще мгновение – и все сорвется вдребезги.

Нам надо спрятаться, – мелькнуло в голове Марины, – кто выручит их с новорожденным, кто же спасет?

Она взяла у него бутылку и отпила.

– Что ты молчишь, Вася?

Молчание становилось пулей для них обоих. Не увернуться.

– Я в ванную, – и взяла сумочку свою с кровати.

Василий включил телевизор.

Она разделась. Горячая вода наполняла ванну. Свадьба с Василием начиналась. Нельзя медлить, за ними уже выслали погоню с пожеланием многих лет.

Она высыпала горсть таблеток на ладонь – это свадебный подарок. За дверью лилась музыка.

Одну за другой она глотала таблетки, запивая глотками воды. Ее бил озноб. Хотя бы минуту вечности объявили... Она не умирает. Она бастует.

Василий пил, удивляясь, что не хмелеет. Смотрел на телеэкран и разговаривал сам с собой.

– Она не понимает, что я теперь апостол реформизма. Я должен быть святой, а я деградирую в любви. Я не помню строки Торы, но я помню, что кожа Марины пахнет жасмином. Чужая жена и мать моего будущего ребенка... Жить без нее я не смогу и не смогу быть с ней... Вот только допью и пойду к ней...

Голова его упала на стол и отключилась.

В полночь телеканал разбудил его. Голова его скатилась со стола, увлекая тело вниз. В клубок свернулся на полу и снова впал в забытие. И вдруг проснулся. Будто душа Марины его окликнула. Он выбил дверь в ванну. Марина была мертва.

На столике записка на салфетке «Я тебя люблю».

Душа ее как будто говорила ему, что делать. Сначала он должен обрести покой, если, конечно, хочет быть с ними. Повесить на дверях номера табличку «Просьба не беспокоить». Он выглянул в коридор. Безлюдно.

Он закрепил ремень за крюк и повесился над ней.

Доверяясь судьбе

Ранняя зима с ума сводила. По гололеду сдирать морду о беду – вот и вся недолга.

Район Выхино, квартира Азбеля. В доме Азбеля ремонт: подъезд ободран, лестница в известке, двери в шпаклевке. В это последнее воскресенье ноября в квартире Азбеля собрались еврейские физики и лирики, чтобы обсудить гуманитарные вопросы. Это стало традицией.

Азбель в белой безрукавке, красная короткая борода: он похож на разгоряченного быка. Семинар физиков. Вечер Галича. Накануне отключили всему дому свет, а затем – телефоны. О, знали бы соседи, из-за кого в кране не было воды.

В дежурной машине у подъезда скучал Лазарь Хейфец. Он, кстати, получил посылку из Канады и сидел за рулем в новой кожаной куртке. На Галича шли густо, как за водкой или колбасой.

– Бегун пришел, – доложил Хейфец Звереву в 5-й отдел. – Щаранского привез Липавский.

В квартире Азбеля кадили свечи, люди боялись сбрасывать вещи в темноту и стояли одетыми. Галдеж. Если животные во тьме молчат, то женщины – болтливей не бывает.

– Они пришли слушать или за меня посмотреть? – Галич сидел под самодельной ханукией.

– Да просто на улице противно. А ты с разбегу начни. Ханукия таки пригодилась, – Азбель зажег все девять свечей.

– У вас нет света, – хриплый голос Бегуна, – а телефон работает? Нет? А теперь они отключат воду.

Все засмеялись.

Галич пел при свечах.

Тем временем Хейфец продолжал перечислять гостей по телефону: Сахаров, Амальрик, скульптор Неизвестный, Калеко.

– Инвалид?

– Фамилия.

– Ну и какая фамилия калеки? – недоумевал Зверев.

– Да не калека он. Ка-ле-ко! Ага, идут художники, ну те, из Ленинграда: Абезгауз, Раппопорт. Человек десять. Е-мое, картины несут. Ни хрена себе. Раздухарились не на шутку.

– Ведете киносъемку?

– Так точно.

Художники вошли в подъезд, в крошечной тьме, как скалолазы, поднимались по лестнице на одиннадцатый этаж.

– Расступитесь! У вас нет света!

Прикололи к дверям манифест: «Несколько художников-евреев вторично объединяются...»

Еще двенадцать свечей водрузил Азбель на ханукию. Художники по одному представляли свои полотна. Абезгауз – «Горда была Юдифь, но печальна». Это окраина села, женщина в летнем яркоцветье, в правой руке ее окровавленный серп, в левой руке – чубатая голова, прикрытый глаз, казацкие усы...

– Картина продается? – спросил Рубин.

– Здесь все продается.

Коллекционер Глейзер взял под локоть Александра Лернера.

– А вы, профессор, когда выставляетесь?

– У меня в Иерусалиме постоянная выставка.

– Дайте приглашение.

- Кто бы мне дал.
- Три года между небом и землей: ни работы, ни денег, и не видно конца. Зло берет, – Рубин и впрямь был в отчаянии после того, как за ним установили круглосуточную слежку. – Кто поведет людей на коллективное самоубийство?
- А что-о, уже хана? – удивился Эрнст Неизвестный.
- Мы уже гибли безропотно, поодиночке, – сказал Рубин.
- У тебя, Виталий, нет русского терпения, – улыбнулся скульптор. – Всегда остается какая-то надежда.
- А вы же диссидент! – обратился Калеко к Неизвестному.
- Нет, я не диссидент.
- Важно, что так считает Андропов.
- Он так преследует евреев, как будто сам еврей.
- Лева наконец пробился к Галичу – взять интервью для «Тарбута».
- Алик, есть те, кому завидуете вы?
- Я завидую тем, кто верит в Бога, – ответил бард.
- Им легче жить?
- Им легче умирать, – сказал Галич.
- А что такое Бог? – вмешался в разговор Липавский.
- Причина сущего. Закон, – сказал Лева. – Закон, где расширяется вселенная – и в искре огня, и в капле воды, и в наших душах.
- Бог не фраер...

Вкус жизни и свободы

До самой Пасхи снег украшал Пятихатки, но накануне майской демонстрации грохнул Чернобыльский реактор, и все полетело в тартарары. Нюсик закрыл свою лавочку – сбор металлолома.

– Софа боится пить воду Днепра, – сказал Нюсик другу Янкелю.

– За твою Софу можно писать романы, – ухмыльнулся шойхет и тайный сионист Янкель – куры окочуривались, завидев его.

– Романы пишут негодяи, – Нюсик допил самогонку и сделал губами птичку.

Они пили у входа на базар в закуской, где хозяйка Галя – любовь Янкеля. Она предлагала им малосольные огурцы.

– Янкель, заказывай вызов, – прошептал Нюсик.

– От кого?

– Да хоть от Голды Меир!

– И на Софу?

– Софа – моя жена. У нее начал зуб расти.

– Риву Ароновну?

– Софа маму не бросит.

– Значит, пора, – Янкель поднял стакан и чокнулся с Нюсиком. – А я тоже махну в кибуц телок осеменять.

– Ну, – сказал Нюсик, – плюнь на Галю – жопа не цаца. А пить воду Днепра – вон у тебя кадык уже больше члена. Галя! Продай Янкелю марганцовку

– У меня есть цианистый калий.

– Большая разница?

– Всего один рубль. Борщ будете?

– Иди, Галя, к нам. Выпьем за Нюсика. Он собрался в Израиль. Были мы босылами – стали израилями.

Три месяца ветер сдул с календаря. Люди боялись выпить лишний глоток воды и дышали лишь потому, что не дышать не могли. Терпкий запах полыни казался им приговором.

Уже в самолете Софа призналась:

– Нюсик, мама вместо метрики взяла партбилет.

– Софа, для Израиля нет метрики – нет еврея. Для Израиля Рива Ароновна – шикса привокзальная. И дочь ее Софа – шикса, и внук ее Сема – чернобыльский мародер. Ни шекеля, ни хаты. Зачем мы туда летим – палестинцев смешить?

– Нюсик...

– Иди к туалету.

– Мне не хочется.

– Ты хочешь, чтобы нас слушал весь самолет? Иди разговаривать.

– Нюсик...

– Лучше бы я сдох, чем связался с вами. Взяла партбилет вместо метрики! Усратья можно!

– Нюсик, – Софа заплакала.

Они стояли у туалета, пассажиры выстраивались за ними.

– Она поет «Вихри враждебные...», – засмеялся Нюсик.

– Ей девяносто лет.

– Ну почему о партбилете я узнаю в самолете? Я не могу от вас сбежать. Софа, я не могу лететь в Израиль с Розой Люксембург.

– Ривой Ароновной.

– Теперь она Роза Люксембург. Ты в школе какой язык учила?
– Забыла.
– А Роза Люксембург?
– Она знает идиш.
– Она немка. По дороге в кирху она сдуру зашла в синагогу. Вот почему она меня ненавидит.

– Нюсик...
– Эй, вы, в туалете! – кричали из очереди.
– У человека запор, – огрызался Нюсик.
– Я уже не могу.
– Сможете в Тель-Авиве.
– Нюсик...
– Софа, она должна знать родной немецкий. «Ах, майн либер Августин, дас ист хин...»
– Пропустите в туалет!
– Ждите! – огрызался Нюсик, – Ждали две тысячи лет, подождете еще две минуты.
– Нюсик...
– Слушай, Софа, сюда! Неси ее документы, я спущу их в унитаза за облака.
– Нюсик...
– Надо говорить: «О, майн Гот!». Вы теперь немцы. В Вене закатаешь истерику, ты это умеешь. Мы летим в Германию. В Германии, дура, будут кормить, а в Израиле вкалывают, пока не сдохнут. Учи немецкий: Дойчланд, Дойчланд, хенде хох.

– Нюсик, Рива Ароновна воевала с немцами.
– Пусть забудет, иначе я ей отпилю шнобель, теперь она Роза Люксембург.
– Нюсик...
– Документы, или я вас поодиночке запущу в облака.

В Айзенахе, маленьком городе немецких запахов и звуков, где пространство заполнено бытом по чертежам, Нюсик – бесшабашный и неугомонный Нюсик, – будто птица в клетке. Он носил зашитые в трусах баксы. А потом так натерло, что он на Софу залезть не мог.

Спрятал сбережения под шкаф. Что до Розы Люксембург, она отыскала партячейку и по воскресениям ее возили на маевки в горы.

Нюсик с утра в любую погоду на велосипеде колесил по городу – собирал пустые пивные банки, расплющивал их, складывал погремушки в рюкзак, в конце дня сдавал в лавку «Цветмет». Когда набиралась тысяча марок, он прятал их в коробку под шкаф. К старости он откроет свою лавочку, будет сидеть в тепле, смотреть телевизор. Во сне он бродил по осенним аллеям, собирал марки как опавшие листья, и жизнь была полна музыки. Наука быть счастливым приходит во сне. Снился Днепр и Пятихатки, пьянки с Янкелем, который улетел в Израиль, выучил на иврите три слова «Рабом работал у араба», снимал койкоместо и изредка звонил. Нюсик любил Израиль «на расстоянии», теплилась в нем извечная мечта еврея о своем государстве, так сказать, «запасном варианте», и не дай Бог если что – можно им воспользоваться. Но лучше, конечно, чтобы израильские чиновники не «жонглировали» его судьбой. Евреи едины и по-братски дружны на расстоянии.

Софа как настоящая немка убирала, стирала, готовила еду. Смертельно уставала. Ей ничего не снилось по ночам.

В один немецкий день – сияло солнце и пели птички, – Нюсик вернулся на велосипеде с рюкзаком пивных банок.

– Кто там гремит в прихожей? Это погром? – спросила Рива Ароновна.
– Это гестапо пришло за коммунистами, – ответил Нюсик.
И тут в прихожую явилась неприкаянная Софа.
– Ты купил Семе автомобиль? Сколько денег ты ему дал?

- Одну марку, – соврал Нюсик, – шоб я так жил.
- Сколько? – Софа угрожающе зазвенела ключами.
- Шоб ты так жила!
- Я нашла их у твоего первенца: этот ключ от мотоцикла, а этот от машины.
- Шоб я сдох! – Нюсик опустил на табурет.
- Германия лишала таких евреев пособий раз и навсегда.
- Я проследила за Семей, – сказала Софа. – Он за углом слез с мотоцикла и пересел в спортивный «Опель». Где ты прячешь деньги?
- Разве ты не знаешь?
- Я не знаю.
- А где жид?
- Твой жид катается на «Опеле». Можешь на его мотоцикле поехать за ним. Или на велосипеде.
- Яблоко от яблони далеко не падает, – сказала Рива Ароновна.
- Ты помнишь, где лежат деньги? – спросила Софа.
- Хорошо, только не подглядывай.
- Нюсик прошел на кухню, вынул ящики от шкафа, отодвинул его. Марки корова языком слизала.
- Софа, меня обокрали.
- Софа села на стул бледная с широко раскрытыми глазами – восковая кукла. Красный и потный Нюсик дышал на полу, посреди посуды.
- Боже мой, это целое состояние! Мы двадцать лет отказывали себе во всем...
- Может быть, нам в роддоме подменили ребенка?
- Тебе мстят, потому что не полетел в Израиль, – сказала Рива Ароновна.
- Если бы Вы не перепутали партбилет с метрикой...
- Господи, замолчите оба!
- Он убил меня! Нож в спину отцу. Отца обокрал. Как у Шекспира. Обокрал нас всех. И теперь лишит пособия. Лишит будущего в Германии.
- Ты ему говорил, где лежали деньги? – спросила Софа.
- Я не помню.
- На самом деле пьяным он всякий раз хвастался сыну коробкой с деньгами. Софа привыкла, что все друг другу врут. И можно было бы промолчать, но слишком велико потрясение.
- Ты ему давал деньги на мотоцикл?
- Нет.
- А врал, что ты давал.
- Я не хотел, чтобы ты его ругала. Вдруг он угнал его?
- Когда ты врешь? Тогда или сейчас? Ты всегда врал и сына научил врать! Откуда у него мотоцикл и машина?! Это ты виноват!
- Замолчи!
- Когда ты в последний раз заглядывал в коробку?
- Под Новый год, но я был пьяный, я не пересчитывал.
- Семен неузнаваем, он стал чужим нам. Он дома не ест.
- Софа, я не давал ему денег.
- Тогда откуда?
- Может, он голубой.
- Идиот!
- Софа!
- Что Софа! Привез нас сюда, жид пархатый! Я этих немцев терпеть не могу!
- В Пятихатки захотела? Попить водички черныбыльской?

– Я хотела в Израиль.

– Там каждый хочет друг другу морду набить. Вымещают зло на арабах, а они, между прочим, может быть, и есть потомки древних евреев. Только таких идиотов можно сорок лет водить за нос.

– А Янкель?

– Та какой он еврей! Самогонку жрет и салом закусывает!

– Какая ты сволочь!

– Софа! – вдруг вспомнил Нюсик. – В Германии мы перестали трахаться.

– Он трахаться захотел, – засмеялась Софа, – ты трахаешься каждый день с велосипедом.

И этими банками, которые звенят на всю улицу.

– Ревнуешь к банкам?

– Нет, я банки ревную. Иди трахайся с Надей.

– Ты мне не даешь.

– Я что, кукла? Днем я для тебя половая тряпка, сука, проститутка, немецкая овчарка, а ночью я должна ему давать! Пусть тебе Надя дает! Научил ребенка врать, теперь я потеряла сына. Он не ночует дома, он заходит в квартиру как чужой, он нас всех презирает.

– Если он купил машину в магазине, нас лишат пособия по бедности, и я с вами разведусь.

Оставайтесь с машиной и мотоциклом голодные.

– А ты хотел бы, чтобы он их угнал и его за это посадили?

– Я хочу обратно в Пятихатки.

В квартиру вошел Семен, щуплый узколицый молчун с бородкой, в очках; вылитый Софа, с серьгой в левом ухе. Он прошмыгнул в свою комнату.

– Софа, Сема пришел, – крикнула Рива Ароновна: она лежала в другой комнате и не могла видеть внука, но удивительным образом чувствовала его появление.

– Иди, спроси его, – сказала Софа мужу.

– Иду.

– И спроси.

– Спрошу.

Нюсик вошел в комнату сына. Тот лежал закутанный простыней, как в морге.

– Сема, кто-то взял мои деньги.

– Держись.

– Это ты?

– У отца ворует деньги только сумасшедший.

– Поклянись здоровьем своих будущих детей.

– Клянусь.

– Ну, слава Богу, извини.

Нюсик вернулся к Софе.

– Это не он.

– Ну а кто же? Карл Маркс? Вот ключи от его «Опеля».

– Он поклялся здоровьем своих детей.

– Ой-ей-ей!

Нюсик вернулся к Семену.

– Ты купил «Опель»? Я иду в полицию.

– Не надо идти в полицию, – заплакал Семен.

– Где мои деньги? Что ты молчишь? Нет больше денег?

– Да.

– Я хотел открыть семейное дело. Пункт по приему металлолома. А ты меня без ножа зарезал.

Семен закрылся простыней с головой. Софа молча и потерянно смотрела на мужчин.

- Буду полицию вызывать, – сказал Нюсик.
- Не надо полицию, – сказал Семен.
- А что надо?! В тухес тебя поцеловать?!

Если не украдут сбережения собственные дети, то украдет государство. Оно жадное и ненасытное. Такие дела. Нюсику бы радоваться, что деньги украл свой: Семен взял то, что для него сберегал Нюсик. Но поторопился, подлец – возможно, из-за презрения и ненависти к отцу, круто изменившего его жизнь. Ненависть Софы к мужу на немецкой земле, болезненная, беспричинная, как инфекция, возможно, заразила сына. Вспышки гнева перекашивали ее лицо, зрачки – будто горящие угли, губы припадочно танцевали, вот-вот слюна извергнется из вулкана Софа. Но она не воровала деньги, а ее сын всегда хотел выпрыгнуть из штанов... Ни ростом, ни оценками, ни силой он никогда не мог похвастаться, и он деньгами завоевывал место под солнцем. Весь в отца! Нюсик с детства брал все, что плохо лежало. Но он не попадался. То-то и оно. Нюсик не попадался и в супермаркете, где прятал в карманы то головку чеснока, то лимон, то огурец. Привык уходить не с пустыми карманами. На день рождения Ривы Ароновны он выложил на стол ломтики копченой говядины, шоколад, сыр.

– Тю! – сказала Софа, – тебе деньги некуда девать?

– Живем один раз, Софа, а у твоей мамы сегодня день рождения. Для меня это как Седьмое ноября – красный день календаря.

Рива Ароновна уже не вставала на ноги, угасала на полу, у балконной двери на матрасе под одеялом. Софа кормила ее манной кашей, становясь на колени.

– Мама, смотри, на твой день рождения какую рыбу принес Нюсик.

– Эта самая дорогая рыба – масляная. Вы жарили ее в Пятихатках?

– Я покупала на базаре тюльку. Во-от такая – с палец. Жирная и вкусная. Ты помнишь, Софа, тюльку?

– Я покупаю мойву.

– Стоило улетать в Германию, – усмехнулся Нюсик.

– Иосиф, – вдруг обратилась старуха к Нюсику, – похорони меня с папой.

Ее покойного мужа звали Иосифом. Он был военным летчиком, и погиб уже после войны. Первое время Нюсик поправлял ее. Потом привык.

– Иосиф!

– Да, Рива.

Она угасала.

Однажды Софа так укутала ее, что старуха тихо скончалась.

Раввин – израильский хаббадник, – заломил цену за похороны, и покажите ему метрику

Ривы Ароновны...

– С ума сойти, – сказала Софа, – у нее только партбилет.

– Она просила похоронить ее с папой.

– Пятихатки? Это еще дороже.

– Урну можно отвезти бесплатно.

– Через крематорий?

– А шо такое? Китайцы своих сжигают.

– Раввин сволочь.

– А то!

– стыдно, – всплакнула Софа.

– стыдно, когда сын грабит отца.

В безлюдном зале морга стояло два гроба с одинаковыми старушками в белых платочках.

Одна из них была Рива.

– В крематорий можете не ехать. Мы доставим урну вам на дом.

Это решило все.

Это было приглашение на костер.

Изо дня в день Нюсик сталкивался с урной Ривы, которую Софа поставила на сервант в гостиной.

– Другое место унизительно для мамы.

Нюсику едва ли не еженочно снилась Рива. Днем он вспоминал сон, и это мешало искать пивные банки.

Что до Семена, то он однажды исчез вместе с урной. Он укатил на «Опеле» в Пятихатки, где мало что изменилось, ну разве что на месте еврейского кладбища устроили гаражи. И теперь нужно было ехать в Чернобыль на могилу прадеда Арона, отца Ривы. Она как в воду глядела.

– Господи Боже ж мой, из Германии привез бабушку, – качал головой старый чернобылец, обхватил впалые щеки, пряча ненужную улыбку.

Семен укрепил на бетонной плите Арона Чернобыльского урну Ривы и обложил ее тяжелыми камнями.

– Треск какой... – сказал Семен.

– Это кузнечики... или твой дозиметр?

– Здесь все трещит. Долго будет трещать?

– Тысячу лет, – сказал старик. – Вот сколько лет земля будет убивать человека.

– А другая живность живет.

– Все имеет право жить на этой земле, а человек – нет.

– Ну, почему-то мне кажется, человек приспособится.

– Земля укоротила жизнь человеку

Семен сфотографировал могилу прадеда, и они ушли с кладбища. По дороге Семен сфотографировал брошенные вертолеты, грузовики, бульдозеры. Семен залез в бульдозер – он наполовину разобран. Кругом заросшее поле.

Железнодорожные составы навечно застряли на станции. Ржавые корабли из речпорта уже не пойдут по Припяти. В зоне нельзя касаться предметов и растений, садиться на землю, курить на открытом воздухе, перемещаться на транспорте без крыши – пыль страшна.

Но на самом деле все можно.

Зона – это две с половиной тысячи квадратных километров. Пропуск в зону – бутылка коньяка. Воровство здесь в порядке вещей.

– Не у каждого есть такие возможности, как у меня, – хвастался на прощание старик.

Смеркалось, фотоаппарат был уже почти бесполезен, и Семен просто смотрел на станцию: высокая труба над третьим блоком, низкая – над четвертым, одетым в серый саркофаг, аккуратные первый и второй.

Чувства опасности здесь нет. В окрестностях Чернобыля сейчас не так-то просто «схватить дозу».

Чернобыль был раем до СССР, до России, до Украины.

По переписи 1765 года в Чернобыле было 96 еврейских домов и жило 696 евреев – среди них Менахем Нахум Тверской, основатель Чернобыльских цадиков.

У цадика-папы сын тоже стал цадик. Мордехай. Такие дела.

Мордехай сколотил двор – посещали приверженцы из ближних мест и издалека, даже из Польши, если не враки, конечно. Мордехай установил маамадот – налог в пользу двора Мордехая.

Ну, не в пользу бабы Мани-молочницы или биндюжника Муни. То-то и оно.

Через сто лет в Чернобыле уже проживало 6559 евреев, 3098 старообрядцев и 154 поляка. Пять синагог, три церкви и костел, плюс женское еврейское училище и еврейская богадельня. И стал Чернобыль мировым центром хасидизма.

Только в 1920 году цадики (потомки Мордохая) молча сбежали через Польшу в Нью-Йорк. Америка. Америка.

Оставшихся евреев Чернобыля нацики расстреляли.

Прошло еще полста лет. Остались лишь пять могил цадиков.

Народная молва связывает взрыв ядерного реактора не с экспериментом физика-придурка, а с надругательством антисемитов над могильным склепом цадика...

Сегодня самоселы собирают в лесах грибы – не страшно жить и вести хозяйство. Каждый год пяток самоселов умирает – от старости. Молодым здесь не место.

В Чернобыле встречали субботу хмельные счастливые хасиды:

асадер ли сидусо

бе цафро ди шабато

ва язмин бо-оашто

тико кадишио

ни-найно

ни-найно

ни-най-а-а

а-я-яй!

Временно хмельные и счастливые.

Жизнь вообще временная. Дороги полопаются, здания упадут, все поглотит лес.

И будет, как было ...

Первомай в Пятихатках выдался ветреный и солнечный, как и десять лет назад, и на невспаханых полях нет-нет и блеснет снег, и было это все для Семена как в первый раз. Он влюбился в черноглазую девушку. Майская земля зазеленела, а девушка забеременела и родила мальчика, и назвали его Дрон: не то Андрей, не то Арон.

Семен открыл чернобыльский аттракцион: он возил любителей экстремальных ощущений в зону отчуждения.

Бог мой, какая прелесть

Бог мой, какая прелесть Чернобыль в сентябре. Вдоль холмов, похожих на свежие буханки хлеба, вальсировала голубая быстротечная Припять, в лучах солнца сверкали стайки плотвы.

Уродилась живность в реке и на земле. И нигде так не любилось, как здесь – в запахах мяты и пении птиц. Чернобыль – еврейское местечко со времен Хазарского кагала.

Было дело, строительство ЧАЭС обрадовало горожан заработками. Перспективы-то какие! Землепашцы-трактористы подались в экскаваторщики, лудильщики ведер – в сварщики. Кавалеры всего Союза: дамы могут выбирать.

Между тем ЧАЭС незаметно пожирала Чернобыль. Сгрызла старое кладбище вместе с могилой цадика Нахума. Потомки его, как ни в чем не бывало, пили самогонку, хуповались между постами.

Жениться надо в сентябре, тогда можно новорожденных купать в реке.

Отец невесты, Муня-экскаваторщик, – крепко сбитый, хоть сейчас в космос, загорелый и уверенный в себе, – стоял перед зеркалом и завязывал галстук. Толстозадая жена его Софа засмеялась:

- Где ты галстук такой яркий взял? Как хвост индюка.
- Любовница подарила, – Муня сверкнул золотой фиксой.
- Давай закажем вызов в Израиль.
- Я, Софа, член партии, строитель коммунизма.
- Блинством хочешь заниматься.
- Слушай, Софа, кончай! А то тресну по башке, навек успокоишься.
- И это в день свадьбы родной дочери.
- А то!
- Сволочь. Бабник!

Муня засмеялся во все свои золотые фиксы.

Родная дочь их Наташа выходила замуж. Такие дела.

Софа последние дни жила в истериках, умирая от ревности, неизвестности, ненавидела Муню, отталкивала и одновременно страстно желала его.

– Все, Софа, идем встречать жениха и невесту.

В Чернобыле и евреи, и братья-славяне селились переулками-тупиками. Двухэтажный коттедж с балконом. На балконе он – мужчина.

Тупик Наперстков – это семь дворов мешпухи: сапожники, портные, биндюжники, инженеры, медсестры, парикмахеры, шухер-махеры и все – Наперстки.

Но сегодня гуляли два тупика, этот и тот, что напротив. Наташа Наперсток выходила замуж за Ваню Слинько, сварщика из бригады Муни.

С утра пыль столбом, гвалт – собаки глохли. Праздник.

Невеста, красивая как фотомодель, вся в белом – лепестки белых роз, словно облако, только черные волосы и глаза. Барби отдыхает.

Белобрысый и худющий, как жердь, жених Ваня – в черном костюме и белой рубашке.

Софа вынесла испеченные бабушкой Таней халы, накрытые салфеткой, а свекровь Наташи – каравай на узорчатом рушнике.

– Еще один кузнец еврейского народа Ваня, – подмигнул крошечный восьмидесятилетний Янкель-трубач. Он задрал к небу трубу – знак для клейзмеров. «Семь сорок» закружила свадьбу.

Горько!

Целовались жених и невеста.

Танцевали в тупиках и на улице Ветреной, из просто пешеходной улица превратилась в непросто пьющую и поющую. Хуповался народ. На свежеструганых столах потела самогонка, солнце преломлялось в графинах и стаканах; блестела селедка в кольцах лука и подсолнечного масла, горки отварной картошки, грибы, огурцы и помидоры в зелени, жареные ягнята – подарок улицы Ветреной. Буханки хлеба лежали вперемежку с халами. Все здесь было вперемежку: традиции, религии, судьбы – свадьба еврейско-украинская.

И увидели люди, что догмы их отцов растерялись, запретные истины их истаяли, будто облако в солнечный день, и никто не может объяснить суть события, волнующего жениха и невесту, которые принимали сегодня смущение, насаду и радость самолюбивых одногодок. Ой ли, так ли, какая осень! Пусть Господь сохранит и помилует жениха и невесту за привкус счастья.

Невеста вывела жениха в центр круга. А Ваня улыбался, он только начинал жить, когда обнимал Наташу.

– Горько-о! – тесть со свекром чокнулись стаканами самогонки.

Дядя невесты, москвич Лева, встал из-за стола, поднял две халы перед женихом и невестой, как двух голубей, и произнес благословение:

– Барух Ато Адой-ной Эло-хейну Мелех Хоой-лом Лехем Мин Хо-орец.

Благословен ты, Господи, Боже наш царь во Вселенной, сотворивший хлеб из земли.

– Жиды як пуп земли, – буркнул старый Слинько, дед Вани.

– Не путайте, тато, нацию и религию, – одернул свекр невесты своего отца.

– А як же, религия золотит ручку.

– Ну и пусть.

– Нельзя, сынок, душой привязываться к богатству, – пробурчал старик. – Облекайся в рубище, как в правду. Я вот защищал батькивщину, у немцев в плену год подыхал – не сдох, так свои потом десять лет по лагерям мучали... Чекисты убивали, бандиты убивали... народ молчал или даже соучаствовал, а теперь все в едином, так сказать, порыве оправданы, теперь все хорошие. И все дозволено, и счастье не только есть, но и еще будет. Все друг на друга смотрят – и все хорошие, все друг другу разрешили быть хорошими.

– Обида гложет тебя, батя, что вместо награды и благодарности за ратный труд солдата ты мыкался в ГУЛАГе.

– А кто в России не сидел? Ээки, вон, считай, всю Россию построили от Питера до Магадана.

– Стоп, стоп. Питер строили крепостные.

– Те же ээки, – усмехнулся старик. – Что ж это за правила у нашего народа. Не просто же сброд сбился в кучу типа бурлаков на Волге, незнамо кто, без роду без племени, Иван, не помнящий родства, гоп со смыком, выросший под забором, да?

– Э-эх, тато, давай приятные эмоции, ты на свадьбе у внука, а не в Магадане.

Господи, прости нас, грешных, если Тебе не трудно, конечно.

– Это так. – Свекр был не против антикоммунизма и антисемитизма, а против их проявления. Христианство, считал он, более человечный вариант иудаизма.

Впрочем, никому он уже не верил. Утратил веру из-за страданий, которыми переполнен мир.

Муня тоже говорил, что в наше время никому верить нельзя, даже самому себе, но ему, Муне, можно.

Холостяки балагурили слевой, он раздавал израильские открытки и кассеты с песнями.

– Арье! – позвал Леву ювелир Рувка, товарищ по лагерной жизни Левиного отчима. – Ну давай, москаль, сделаем лехаим за молодых.

Они выпили.

– А теперь за моих девочек, чтоб они родили курчавых мальчиков!

Рувка получил «вызов» из Израиля. В 1940 году восемнадцатилетние ешиботники Рувка и Гриша Брод бежали от немцев из Лодзи на Восток, а уже в СССР их погнали этапом в Магадан на пятнадцать лагерных лет. Но жизнь судьба им сохранила и, главное, судьба их подарила жизнь их детям. И дай Бог, чтобы ветви их родов не прерывались. Это так не просто. Очень непросто.

Рувка-золотце с золотым магендавидом на распахнутой груди осоловело уставился красными глазами на Леву-очкарика.

– Эта страна не для жизни.

– Сваливаешь, Рувка, – с завистью сказал Гриша Брод. – Я тебе костюм сошью.

– Здесь или там, Гриша?

Гриша Брод дал себе клятву: пока сын его единственный, Фима, восемнадцатилетний Фима не вернется из мукачевского лагеря заключенных домой (осудили за драку в Киеве), Гриша не тронется с места.

Такие дела.

– Шо нового? – тормозил Гришу старый сапожник Шая.

– Мир шевелится, уси хотят сожрать один одного.

– Хэ-э! – засмеялся Шая. – А шо нового?

Софа после первых минут свадьбы пришла в себя, осмотрелась: посреди музыки и гвалта Муня кадрился со свекровью – моложавой хохотушкой Тосей.

На краю стола софины мама Вера и бабушка Таня перешептывались, не притрагиваясь к еде. Заулыбались они, лишь когда Ваня и Наташа участливо подошли к ним. Странная несвязная реальность окружала маму Веру и бабушку Таню. Остатки прошлого все время пытались взорвать настоящее и стать будущим.

Близорукая и постаревшая Вера, ровесница Тоси, все время думала о младшем сыне Фиме. Это похоже на молитву, только без слов.

Для Вани и Наташи главное – чтобы им хватало прежней удачливости, радости, прежних людей. Наташа уверена, что многие гости помнят ее маленькой. Ха-ха, а вот и нет. Нас время делает другими, и мы уже не узнаем наше прошлое.

У Вани кредо – во всем без фанатизма.

Софа позвала Леву.

– Сейчас придет твоя любовь.

– Моя любовь?

– Неля.

– Неля?

Неля... О Боже, как часто она приходила к нему во сне... люди охотились на них...

Чернобыль уворачивался от солнца, и оно побагровело и село на колья ограды.

Неля пойдет через парк – липовой аллеей.

И вдруг он увидел ее, ее черную курчавую голову, ее смеющиеся огромные глаза, увидел ее большой красный рот, цветастое платье.

Она пахла летом.

– Неля.

Как крепка и смугла она.

– Я опоздала?

Он замотал головой.

– Опоздала? – переспросила она, приложила ладони к горячей щеке.

Словно не разлучались.

Трава была теплой, пахла бабьим летом. Они покрывали друг друга поцелуями.

– Что ты со мной делаешь! Любовь моя... – шептала она.

На следующий день он стоял в тамбуре поезда «Киев–Москва», лоб его упирался в холодное стекло, и он вдруг понял, что потерял рай и обречен бродить в безнадежном мире.

«Любовь моя...» – слышит он в перестуке колес.

Или это сердце.

Долгие провода

Июнь 1977 года.

Есть РАЗРЕШЕНИЕ. Нет сна. Лишь на мгновения забывался, как будто проваливался в пропасть – бесконечное черное небо, словно оторванный от корабля космонавт. И очень близкий НЕКТО его преследовал... сочувствующие голоса... биенье собственного сердца... так бывало с ним в детстве, когда болел... мгновенный полет в бесконечность. Во сне человек одинок и беззащитен. О Господи, неужели он трусит? Неужели ему так жалко покидать родное Измайлово, заросший Лебедянский пруд и бегущую вокруг речку Серебрянку? Бросить могилы родных стариков; их близость словно защищала его от невзгод... Кто будет ухаживать за ними? А старший сын Андрей от первого брака может лишиться работы, когда там узнают об отъезде его отца. Андрей по галахе не еврей, Израиль не для него. Так поступить с любимым сыном...

Лев Фалькнер пытался запомнить послания-завещания к родным в Израиль друзей-отказников. Словно раввин, он их выслушивал. Поди теперь попробуй вывезти из Союза еврейские цурес в своей голове...

Легкая атлетика и красная борода сделали пятидесятилетнего физика Фалькнера задирой, он и словом, и кулаком мог дать сдачу. В 66-ом молодой доктор наук, но не выездной. Шестидневная война распирала его гордостью за соплеменников – и некому морду набить. А кто ему набьет морду?

Ах, вы меня не пускаете на симпозиум в Сан-Франциско по приглашению? Тогда я туда эмигрирую. В Москве таких – не ходи в лес за грибами.

Все годы отказа Лев обещал себе: если дадут РАЗРЕШЕНИЕ, немедленно улетит, нагледится на тех, кто замешкался и попал в ловушку, когда уже не гражданин Союза, но все еще в Москве. Кто угодно мог отменить разрешение на выезд. То-то и оно. И вот, бери билет, привет СССР! Но он не нашел в себе силы улететь тихо, не выслушав на прощание слова друзей.

Накануне Дня Победы – цвела сирень – он поднялся на Горку. Белые колонны синагоги, сотни людей. Все то же – и нет. Он вдруг обнаружил в себе радостное самоотстранение и одновременно любовь к ним. Толпа подобна волне моря. Ты уже во власти стихии.

– Зяму вызвали в милицию и пригрозили выслать из Москвы, если он не перестанет призывать Запад бойкотировать Олимпийские игры в Москве.

– Ну, это можно делать и в Магадане.

– Математику Халуповичу дали визу.

– Значит, следующим будешь ты, – Лев ткнул кулаком в плечо сутулого программиста Илью Либензона.

Они втроем вовлечены в дела Щаранского. Если двоим дали разрешение на выезд, то почему бы не дать его третьему? Эта новость сняла у Льва камень с души.

Кто-то хлопает его по плечу. Ба, коллега Левин.

– Лазарь Хейфец скрывал от жены, что он сотрудничал с КГБ, а жена его считала сионистом.

– Ну и что?

– А то, что она переспала с соседом в знак протеста. Короче, Лазарь просит вызов из Израиля.

– Пусть попросит в КГБ.

– Лев, ты летишь в Америку? – Левин подмигнул.

– В Израиль.

– У тебя же есть приглашение в американский университет, – глаза коллеги округлились.

– А я лечу в Израиль.

– Ой, да ладно тебе. Я никому не скажу о твоих планах. «Натив» нам перекрыл все пути, кроме Израиля. Ну, мы простые смертные, а у тебя приглашение есть из Америки. А кто эти ребята из «Натива»? Хотел бы я на них посмотреть. Откуда они знают, где будет лучше мне и моим детям? Я ведь еду ради своих детей. Один Бог знает, где им будет лучше.

– Не морочь ты мне голову Америкой. Я давно уже все решил, – ответил Лев.

Из синагоги повалили старики – головы опущены, зырк-зырк в сторону отказников – родственники. Богобоязненные решатся на отъезд, когда будет не страшно.

– Работай, мне пора на Курскую, – сказал Фалькнер.

– Да ты что, Лев, мы с тобой должны выпить.

– На проводах.

Он поехал прощаться к Андрею Лаврову. Букет белых роз для Лены и «Марафонская медаль» Андрею.

Пили чай на их маленькой кухне.

– А эта медаль, – улыбнулся Андрей Лавров, – мне-то за что? Я и круг не пробегу.

– На память обо мне и, кстати, заслуженно – ты наш лидер долгого забега Союза в демократический мир.

– А ты так и выбил на обратной стороне медали?

Лев часто сопровождал уезжающих из Союза в их беготне из МВД в посольство, из банка на таможню, получить подписи чиновников. Чаша сия не миновала его. Его тоже сопровождали отказники: кто-то из них просто хотел побыть с ним эти последние дни, кто-то искал совета.

800 рублей за выездные визы жене и ему: два маленьких документа, отпечатанных на тонкой желтой бумаге. То и дело доставал их из бумажника: они действительно существуют.

Отдал почти половину стоимости квартиры, тысячу рублей, за отказ от Советского гражданства.

Нельзя брать с собой письма, дневники. Когда отбирали деньги и ценности – это одно, когда воспоминания – совершенно другое.

Проводы – вечер открытых дверей. Красное лицо Льва покрыто каплями пота. Едва не вся Субботняя горка вместились в трехкомнатушке-хрущевке.

Есть отчаянная надежда, что все эти люди скоро последуют за ним.

У раскрытого окна программист Илья Либензон в серых брюках и красной безрукавке держал фужер с вином в окружении блондинок.

Он жестикулировал, и женщины смеялись. Здесь мог бы быть и Толя Щаранский, но он в Лефортово на нарах (сбитые ботинки, мятые брюки, кепка с заломанным козырьком – таким его запомнили...).

– Я слышал, – сказал Лев Илье Либензону. – Оксфордский университет пригласил вас на конгресс, устроенный в вашу честь.

– Кремль против.

– Вот гады, – Лев отпил глоток вина.

– Это плохой для меня знак, – Либензон опустил голову.

Разными почерками фломастером исписаны обои:

«Не будь слишком строг и не выставляй себя слишком мудрым: зачем губить себя?»

Студенты читали обои.

– Алия осовременила иудаизм. Пришла молодежь, – сказал хроникер алии Чернобельский – он писал нескончаемую «Хронику нерасставанья».

– То, что здесь написано, не осовременивается, – улыбнулась Аня Фалькнер.

Ее улыбка – загадка: это и усмешка, и издевка, и никогда не знаешь – она с тобой или против тебя.

– Я говорю об иудеях алии, – сказал Чернобельский. – Есть надежда, что они войдут в движение современного иудаизма.

– А как насчет веры? Иудеи не любят говорить о вере, – сказала Аня.

– Как раз вера рождается от страха, а его здесь с избытком.

– Если «с избытком», почему ты не уезжаешь? – Это тот самый миг, когда она открыто насмеялась над «хроникером»-очкариком.

– Я ведь еще проектировщик-гидротехник и отец троих маленьких детей, у которых мать русская и она никуда лететь не хочет. Я – идиот.

– Наконец-то, – Аня засмеялась.

– Эмиграция – ужасная вещь, – вздохнул Чернобельский.

– Ты просто трус.

– Да, – он почувствовал пот на лице.

– Ты сегодня благополучный еврей, но когда миллионы эмигрируют, то останешься беззащитным. Сейчас боишься КГБ, потом дрожать будешь перед толпой.

Аня написала фломастером на стене «Кто любит серебро, не насытится серебром».

– Ну, теперь твоя очередь.

Гриша Розенштейн нашел общий язык со стариками.

– Старики могут слушать любую чушь, – сказала Аня.

Кандидат химических наук Розенштейн неожиданно стал адептом хабад-любовичей. С книгой «Тания» не расставался. Но книга на идиш, а он его не знал. Вот он и пристал к Борису Моисеевичу, учителю идиш. Давление и старость вывернули правый глаз вбок, кожу лица сделали черепашей, выкрали зубы.

На правах старейшего он вышел на середину комнаты и обратился к Халуповичу и Фалькнеру.

– Ша, еврей! Дорогие Миша и Лев, я специально не писал бумажки, не придумывал, но все, что я сейчас скажу, будет литься прямо из сердца. Благословение мое вам и вашим дочерям, то есть женам.

Жены Халуповича и Фалькнера и впрямьгодились в дочери. Нечаянная оговорка старика вызвала смех, а Миша и Лев покраснели.

– Дорогие мои, – продолжал Борис Моисеевич. – Мое вам благословение, и чтобы у вас родились сыновья, и я попал к вам на брис, и Бог даст так и будет. Мы, еврей – семья с общей памятью. Эта память удержала нас вместе в галуте и позволила нам выжить. Все мы вышли из Земли Египетской, не забудьте это и там, на Святой земле...

Беременная жена Халуповича Дина уже не могла стоять, ей подали стул. Лев, расширив зрачки, как от нестерпимой боли, переминался с ноги на ногу, озирался затравленно. Миша Халупович, засунув руки в карманы потертых джинсов, был намного терпеливее, переглядывался с Либензоном по-мальчишески озорно. Это плохо вязалось с академическим видом Либензона: сутулый, борода клинышком, в вечернем костюме; немногословный и серьезный. Вышло так, что преследования КГБ сделали его воином-одиночкой. Война была в полном разгаре. Для него речь шла о выживании русских евреев, и всякий, кто чувствовал себя соплеменником, и ныне должен быть на страже, как две тысячи лет назад. Еврейский мир – организм, живое тело. Ткани нашего мира обновляются смертью. Приходится бороться с варварством новой жизни. Он надеялся, что дружными международными усилиями удастся сломать «железный занавес». До алии он был физик, но жизнь вытолкнула его в лидера еврейской общины с ее непохожими друг на друга людьми, судьбами, охваченными алией. Либензон вошел в мир несопоставимых целей и стремлений, и задач, и подвигов, чуждого ему ортодоксального иудаизма, новой строгости и новых испытаний; в мир человеческой личности, чести и гордости.

Вдруг с непоследовательностью в мыслях подумалось на миг такое что-то, что трудно передать: допросы, фарс, ложь и предательство, страх быть арестованным и приговор за несоговорчивость с властями. С отъездом Халуповича и Фалькнера жизнь не пойдет по-новому. Или он заблуждается?

Хозяин квартиры взял фломастер.

– Эти обои нужно передать в музей иудаизма, – сказал Чернобельский.

– А что, есть такой музей? – улыбнулся Халупович.

– Как только придет демократия.

– Демократия полагает, что каждая группа может быть права, и в то же время каждая группа может также и ошибаться, – сказал Фалькнер.

– Вчерашний атеист Розенштейн сегодня признает, что был не прав.

– Работа над ошибками не из приятных. Зато теперь он ортодокс. С ортодоксальной точки зрения религиозные догмы абсолютны и вечны.

К обоям подошел Розенштейн.

– Русская стена плача. Это все цитаты или отсебятина?

– Надо читать Тору вместо «Тании», – улыбнулась Аня.

Он отмахнулся.

– Бродского не захотели впускать в Израиль. В анкете он написал «Я еврей, христианин».

– Ну, пусть придет в синагогу и публично объяснится, но в Израиль ему дорога заказана, потому, что он нарушил Заповедь: «Почитай отца своего и мать свою».

– А если он половинка?

– Я говорю о евреях, перешедших в христианство. Всевышний милостив.

– Да, «по молитве Моисея Я простил народ».

– Как мы до сих пор живы без Моисея! – театрально всплеснул руками Фалькнер. – Собираемся в «Овражках», жарим в праздники шашлыки, танцуем под гитару.

– Душа его молится за нас, – сказал Чернобельский.

– И за евреев-христиан? – Резенштейн вернул все на круги своя.

– Нет, – Чернобельский готов испепелить Гришу. – Они предали народ от Авраама до наших дней. И если при этом они совратили еще хоть одного из нас, это грех, каких мало. Ему придется очень много поработать. Чтобы вернуться.

– Это столь же безобидно Богу, как и прочая людская суета, – заметил Фалькнер.

– Нет, выкрест предал себя, он сделал вызов Всевышнему и порвал с нами.

– А у нас есть молитва за таких людей?

– Пожалуй, «Шма Исроэль»...

Фотограф Борис Теверовский призывал собраться участников семинара для фото.

– Паша! Иди к нам!

– Ну, куда мне, – отмахнулся Гойхман. – Там профессора.

– Внимание! – воскликнул Теверовский. – Улыбнитесь для истории! Сейчас вылетит птичка.

– Где же птичка? – Лев замахал руками.

– Птичка, – сказал Гриша, – будет в Израиле.

Все засмеялись.

Последний гость уехал в три утра, а в пять Лев и Аня сели в такси. Портфель, несколько чемоданов. Солнце еще не поднялось, когда они прибыли в Шереметьево-2, где их уже встречали Либензоны, Ванштейны, Броды. Последний тост «Ну, будем!».

Фалькнеры поднялись по лестнице и попали в зал ожидания. Внизу за стеклом стояли десятки друзей: ждали, когда Лев и Аня пройдут. Сколько раз Лев и Аня с завистью и любовью глядели на тех, кто был на пути к свободе. И вот Лев по другую сторону отказников.

Паспортный контроль. Обычно это несколько минут. За день до этого Лев услышал об аресте Николая Задорожного, представителя «Международной амнистии»; ходили слухи о болезни Брежнева. Одно или оба этих события могли повлиять на их положение. Разрешение улететь все еще могли отменить. Лев попытался не думать об этом, но страх не ушел.

Ничего не изменилось в течение полчаса. Они вернулись в зал ожидания.

Они стояли, ничего не говоря друг другу.

Время вылета приближалось: 10:45. Фалькнеры остались единственными пассажирами в терминале. Лев снова подошел к паспортному контролю.

– Вылет на Вену задерживается?

– Ваши документы не здесь; их забрали в другой отдел. Какие-то технические проблемы.

Он снова вспомнил об аресте Николая. В России нужно долго жить и еще дольше убирать ноги.

Спустя час все выглядело так, как будто судьба их решалась заново. Если их отправят обратно в Москву, то следующим пунктом назначения для него будет Сусуман или Камчатка.

– Что происходит? – прокричал Теверовский.

– Мы остались без документов! – выкрикнула Аня.

Тетка таможни прошла мимо Фалькнеров и развернулась в недоумении.

– Что вы здесь делаете? Самолет вылетает!

– Велели подождать.

– Ни хрена себе, – она достала рацию. – Нинон! У меня тут пассажиры на самолет до Вены.

– Где ваши билеты?

– А где наши билеты?

– У меня в сумке. – Аня достала два взрослых и один детский.

– Дайте их мне. Я отменяю вашу бронь. Самолет не может больше ждать.

– Но в чем дело?

– Я ничего не знаю! – зло и обиженно ответила тетка, словно они сами виноваты.

– Но что нам делать?

– Я не знаю! Если вам разрешено уехать, вы заплатите штраф за задержку рейса.

У них нет документов, и самолет собирался улететь. В Советском Союзе у них нет уже ничего. Им даже негде жить.

Их дочь, маленькая Маша с куклой на руках, сдерживала слезы. Лев и Аня молчали. Никто не мог обвинить другого за задержку в отъезде. Они очень дорожили этими последними днями. А теперь им осталось всего 24 часа, в течение которых они еще могли на что-то надеяться: их визы истекали 5 июля. Завтра они будут просто бесполезными бумажками.

Льва непременно арестуют при выходе из аэровокзала. Провожающие все еще находились внизу.

В аэропорт приперся роконосец, стукач и личный топтун за Львом, сам Лазарь Хейфец. Он подошел к буфету и нагло уплетал сардельки с тушеной капустой и жидким хреном. Толком ему не объяснили, для чего его прислали сюда. Сопроводить Фалькнера теперь в Магадан? А ему-то, Лазарю, на хрена это нужно? Он хочет на дачу к Гале с блинами.

Еще через какое-то время офицер в паспортном контроле объявил:

– Фалькнеры! Вот ваши документы. Поторопитесь!

Лев схватил чемоданы, Люся – коробку с вещами, Маша – куклу, и они побежали. Они бежали через второй зал ожидания и остановились перед выходом на поле аэродрома. Господи, они уже по ту сторону границы.

– Стойте! Куда вы бежите?

– На самолет до Вены.

– Стойте! Вы должны пройти досмотр! – окликнул их пограничник.

И снова побежали по стеклянному коридору. Друзья улыбались и махали им.

– Ваши документы, – пограничник сверил фотографии. – Вам надо подождать.

– Чего? – зарычал красный и взмокший Лев

– Просто подождать.

– Но что происходит? Скажите нам, пожалуйста, в чем дело? Если самолет улетел, мы должны что-то предпринять.

– Ждите.

Около ворот деревенские зеленые лавочки. У Льва и Ани возникла одна и та же мысль: причина, по которой их пропустили через паспортный контроль, была в том, чтобы отделить их от друзей. Они решат, что Фалькнеры уже сели в самолет, и разъедутся домой. Теперь их арестуют без свидетелей.

Прошло 15 минут. Аня не выдержала. Встала и подошла к пограничнику, который проверял их визы.

– Самолет улетел?

Он посмотрел на нее и задумчиво ответил.

– Скоро все придут.

– Кто скоро придет?

– Пассажиры.

– Что вы имеете в виду?

– Погода не летная. Вернитесь в зал ожидания.

– Вы уверены?

– Да-а, – кивнул пограничник.

Фалькнеры прошли обратно по тому же коридору. Они увидели, что шел дождь, но рейсы не откладываются из-за этого.

Они вернулись в зал ожидания. Наметанным взглядом заметили людей в штатском, которые переговаривались с Лазарем Хейфецем у буфета, где он пожирал очередную порцию сарделек. Эта старая сволочь приветствовала их с сарделькой на вилке.

– Это что у дяди на сосиске – кашка? – спросила Маша.

– Он так любит, – вдруг улыбнулась Аня.

Они молча присели на стулья. Лев решил проверить документы.

– Я потерял билеты.

– Посмотри еще раз.

– Но, Аня, я помню, я аккуратно сложил их сюда. А теперь смотри. Вот визы. Вот твой диплом, вот мой. Все тут! А билетов нет!

– Но они же не могли просто исчезнуть!

– Слушай, если они собираются нас выпустить, то они и без билетов сделают это! Кстати, тебе надо сходить к столу информации, может кто-нибудь нашел их! – сказала Аня.

Женщина в справочной наотрез отказалась помочь Льву искать билеты. Он долго пытался убедить ее помочь им – она ведь могла объявить о потере – но она выставила его. Наконец другая женщина, сидящая в этой же комнате, спросила.

– А почему вы не пришли за ними?

Это была та, что забрала у них билеты, чтобы отменить их регистрацию. Она могла просто вернуться к ним и отдать билеты, но ей не было до них никакого дела.

Лев получил билеты, но не было уверенности, что они улетят. Пять часов пролетели, как пять минут. Ну, помните песенку про «пять минут»? И снова прохождение паспортного контроля.

– Пассажиры рейса на Вену, пройдите к выходу!

На этот раз они вошли в автобус к самолету. Он остановился перед трапом, но двери автобуса не открылись. Лев пожалел, что не показал жест из двух рук суке Лазарю и его «сардельке с говном».

– Почему нас не выпускают?

– Ждем, – объявил водитель.

Фалькнер покраснел и взмок от внезапного удушья. Так можно и «коньки откинуть». Ну не хочет, Левчик, Россия тебя отпускать – все же Родина-мать.

Прошло 20 минут, и прибыл пограничник. Пассажиры вышли наружу. Когда проверка закончилась, Фалькнеры очень удивились тому, что они поднялись в самолет.

Сорок минут двигатели молчали.

– Простите, – объявила стюардесса. – Вам всем придется покинуть самолет.

– Наверное, забыли Лазаря Хейфеца. Он же мой личный топтун был в Союзе. Как же без него, – прошептал Лев.

– Заправить самолет забыли?

– Все выходят из самолета.

Фалькнеры вместе с другими пассажирами прошли по уже ставшему родным стеклянному коридору. Где сука Лазарь?

– О, папа, этот дядя тебе машет сосиской! – засмеялась Маша и помахала Лазарю куклой.

– Не позорь куклу, – прошептала Аня.

– Вот ведь как – все провожающие ушли, а Лазарь остался: «верный друг» – и та последняя сволочь, – ухмыльнулся Фалькнер.

Было около пяти часов дня. Маша выдержала бессонную ночь и почти ничего не ела со вчерашнего дня. А у Льва и Ани не было денег – рубли они раздали.

– У тебя есть сувенирные монеты, – напомнила Аня.

Им разрешили взять 5 штук, посвященных Революции.

– О, точно! Слава Революции!

Как только они устроились за столом напротив Лазаря Хейфеца, по громкоговорителю объявили: «Начинается посадка на Вену».

Они схватили сыр и хлеб, и побежали на посадку, как актеры, репетирующие сцену проводов.

В Вене была солнечная погода.

Долгожданное свидание

*17 апреля 1975 года в день Пэсах на улице Киева
трое еврейских парней изрезали друг друга
ножами из-за нейлоновой куртки.
Никто из них не знал праздник.
Не знали ни одного еврейского слова.*

Поезд гремел Украиной, отбрасывая железобетонные шпалы, тянул-тянул за собой природо- дорожные полосы пшеницы, созревшей и поваленной дождем. И сквозь размытое окно – даже если прилипнешь лбом – чудится: рыжий зверь лижет жарко в лицо – расставание.

Они ехали плацкартой. Вере пятьдесят семь – медузообразная, близорукая, она изредка смотрела в окно и тихо ахала – не расплакаться бы. «Зачем я родила его на старости лет?» – думала о младшем. Старший сын сидел рядом с ней, у окна. Под рукой его лежала Тора в твердом переплете. И он вез ее брату. Леве ее дал учитель иврита, учителю – синагогальный старик, старику – кантор, кантору – канадские туристы, канадцы размножили Тору офсетным способом, ту самую, что была издана в Вильно в 1912 году... И вот, через 60 лет, она возвращается к русским евреям. Спешит невеста к жениху...

– Лева, – сказала мама. – Я тебя забожу, чтоб ты не давал эту книгу Фиме. Мало ему цурес? Ты меня слышишь?

Слышал, но думал о своем. «Если Фимка ударил ножом за то, что я когда-то украл в пионерском лагере, то не я ли виноват первый... Я не жалел дарить украденное. Я не жалел сво-своего Фимку... подсунул ему... Не-ет, чушь... Я спрошу. Расспрашивать без надежды помочь...»

Без умолку болтали только Софа с дочерью. Обе черненькие, гладкие. Для знакомых они ехали на курорт.

– На обратном пути, – сказала Софа, – сама, Вера, поедешь в плацкарте. Мы поедем с Наташей в купе.

– Пожадничала, баба.

– А ты молчи, – оборвала ее Софа. – Не суйся, когда говорят старшие.

– Лева, сколько стоит купейный билет? – Вера повернулась к сыну.

– Двадцать три.

– Так это, дорогая доченька, тебе, мне и Наташе 15 рублей переплаты.

– Не обеднела б. Зато ехали б как люди.

– Ты тоже не обеднела бы, – сказал Лева, – если бы сама себе купила билеты.

– А ты не суйся, – Софа порозовела. – Гавно.

– Вы уже опять ругаетесь.

– Сам жаднюга, приезжает к маме, чтоб бесплатно кормили. И еще семью за собой тащит.

– О, Боже мой, перестаньте. Кругом люди...

Он раскрыл книгу, снял очки, приблизив страницу к глазам. С верхней полки выглядывал Андрейка.

– Тебя Шлемик зовут? – спросил его как-то старик в синагоге.

– Андрей.

– А как это будет по-еврейски?

– А так и будет.

– Не может быть.

Но было именно так. В кармане у Андрея лежала пластинка-жвачка. Он вез ее дяде Фиме. Фимка что воробушек со связанными крыльями. И как он, бедняга, продолжал жить? И потому

нужно привезти Фимке самое лучшее. И, конечно, жвачку. Зимой Андрея угостили двумя пластинками. Одну он тут же изжевал, а вот эту... эту он везет Фимке.

Земля и поезд поворачивались к солнцу спиной. И, словно в гневе, оно багровело.

– Я уже второй свой День рождения встречу в тюрьме, – сказала Наташа.

– Ой, действительно, – засмеялась Вера. – Ровно год, как мы были у Фимы. Бедный сыночек.

– Он в тысячу раз лучше, чем этот, – сказала Софа, – Фимка рубаха-парень. Та его ж все прямо за русского принимали.

– Фимочка очень добрый, – сказала Вера. – На каждый мой день рождения дарил подарки. Ты, Левочка, не обижайся, ты такой же мне сын, как и Фимочка, но он добрее тебя. Добрее.

– Та-а! – воскликнула Софа. – Это такой жаднюга! Он за копейку удавится. А уж чтоб прислал родным что...

– Я вам разве на Пасху не присылаю мацу?

И Вера сказала, краснея:

– Ой, я забыла, правда-правда.

Поезд пересекал Украину, и, убежав от заката, нырнул в августовскую ночь. Дрогобыч. На асфальте чернели лужи. Из электрички выпрыгивали рабочие и бежали к автобусу.

– А лагерь скоро будет? – тихо спросил Андрей.

– Боишься?

Кивнул.

– Ну, ничего, ради Фимочки...

– А мы будем жить в тюрьме?

– В гостинице. Только решетки на окнах.

– Кругом решетки?

– Не знаю...

Не знал Лева даже того, как выглядел брат. Тискал-жалел маленького, дарил книги повзрослевшему. А кто он – Фимка? «Кто он – Фимка?» – такого вопроса не возникало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.